

В январе прошлого года умер известный татарский писатель и журналист Равиль Раисович Бухараев. В последние годы он жил в Лондоне, работал на радио Би-би-си, писал книги на русском и английском языках. Похоронили Бухараева в родной Казани. Будто сбылось его стихотворное пророчество: «Когда вернусь в казанские снега». Несколько лет назад мы вместе с Бухараевым три дня плавали на теплоходе «Федор Шляпин», на борту которого проходил Конгресс региональных и национальных СМИ. Много говорили о политике, литературе, журналистике. Бухараев поделился и своей мечтой – когда-нибудь объехать регионы Поволжья, где живут татары, побывать и на родине Хади Такташа – в деревне Сургодь. Вели речь и о проблемах современного татарского языка. Отрывок из монолога Равиля Бухараева, произнесенного в беседе со мной и записанного мной на диктофон, предлагаю читателям накануне Дня родных языков, который в Мордовии традиционно отмечается 16 апреля.

Камиль Тангалычев

Деревня поднялась до города

Татарский язык до начала 20 века являлся развитым языком городской татарской культуры. То есть существовал язык деревни, почвы, язык людей, которые живут вне города, и существовал язык городской. Городской татарский язык мы можем проследить вплоть до великого Булгара. В истории татарского языка – 500-600 лет непрерывного городского развития. И даже когда в 1552 году взяли Казань, изгнали татарский язык из города, произошел феномен, которого нигде в мире не было. Язык городской в деревне не исчез, а наоборот – деревенский язык поднял до уровня городского. То есть наша культура – матёрая и зрелая. Татарская городская культура не исчезла от того, что была выгнана из городов, она просто деревню подняла до города. Но в таком положении татарская культура могла двигаться только по инерции. Да, и в 19 веке у нас были большие поэты, но их язык – уже полугородской, полудеревенский.

Это язык слободы. В начале 20 века происходит огромный толчок в сторону возрождения городского языка. Появилась буржуазия, появились медресе, появился театр. Драматургия татарская зародилась на городских проблемах. Таково, например, творчество Галиасгара Камала. И очень легко было создавать эту драматургию, потому что язык был развитой. Потом произошла деградация. Ведь чем был богат татарский язык в начале 20 века? А тем, что он был исламским языком. И он очень естественно использовал философскую терминологию. Поэтому на любую проблему, которая существовала в начале 20 века в мире, можно было легко говорить по-татарски, потому что находились слова, обороты, находились понятия. То есть за одним словом стоял целый мир. Это исчезло тогда, когда началась борьба с исламом. Из словаря были выброшены все эти слова и заменены русскими. Русскими-то заменены, но ведь слово из словаря просто так не выбросишь, с ним целый мир понятий уходит. Вот сейчас уже невозможно просто взять этот татарский словарь и заполнить его теми арабскими словами, которые были в начале 20 века. Использовать-то их можно, но уже не понятно, что за ними стоит.

Заговорит ли город снова по-татарски?

Следовательно, сегодня особо актуальной является проблема развития городского татарского языка. Того языка, который будет заниматься проблемами философскими. Это не значит, что деревня хуже, чем город. Просто там разные проблемы. В городе всегда существует проблема осмысления места человека в мире. В деревне место человека в мире само собой разумеется. Там вся его жизнь ему указывает это место, и он его осознает. И потому татарский язык остается жить, бить родниками только в деревнях. И татарская драматургия во многом стала драматургией деревенской. И даже если она была городской, то рассказывала про тех людей, которые недавно приехали из деревни, или которые во втором поколении городские. Но не про тех людей, которые являются городскими в седьмом или двадцатом поколении. Сейчас появился татарский драматург Зульфат Хаким, который начинает заново создавать городскую драматургию, иногда параллельно использует русские и татарские слова и выражения в одной и той же татарской пьесе. Но так говорят, такой сейчас язык. И нужно в писательской среде заниматься развитием современного татарского языка. Не указывая пальцем на современного писателя – вот ты не хочешь по-татарски писать. Я бы, например, очень хотел по-татарски писать, я с детства хотел по-татарски писать, но так получилось, что меня не учили, отменили татарский язык тогда, когда я пошел в школу. И поэтому в этом смысле я по-татарски безграмотен. Все, чему я научился, я научился самостоятельно, экстерном, переводя Тукая. Но язык Тукая – не современный татарский язык. Я же не могу писать на языке Тукая, Такташа, даже Хасана Туфана...

Что делать?

Что конкретно можно сделать в татарской языковой сфере? Нужно, чтобы наши лингвистические институты к этому вопросу подошли так же, как, например, подошли в Венгрии. Венгерский язык был языком деревни до конца 18 века. Но они в течение 25 лет целенаправленно обновляли язык. Это была эра обновления языка. Работа шла на уровне Академии наук, они сочиняли даже слова, они их обкатывали. Потребовалось 25 лет на то, чтобы венгерский язык стал тем языком, на котором существует такая поэзия, которую сейчас и на английский язык перевести невозможно – такая она богатая, такая она философски глубинная, такая она вся чувственная. Выразить теперь на венгерском языке можно все, но на это потребовалась четверть века абсолютно гигантских научно-писательских усилий.

Экология родного языка

Но языковая проблема сегодня актуальна для всего земного шара. На Би-би-си была передача, в которой приводилась такая статистика: в мире еженедельно умирает несколько национальных языков. Еженедельно! Это, конечно, трагично. И это огромная проблема, связанная не с нашим желанием или нежеланием сохранять языки. Это – проблема глобализации, которая нивелирует мир английским языком. Причем это – усредненный английский язык, который на самом деле тоже выхолощенный. Это не язык литературы, а это язык бизнеса, язык деловых отношений. Поэтому языковая проблема, безусловно, налицо. Это такая же экология языковой среды, как экология среды окружающей. Сейчас, смотрю, нет майских жуков, непонятно, куда подевались. А делись куда-то, пока мы тут делали революции. Подснежники вокруг Казани уже не найдешь. Ландыши еще есть, но тоже уже исчезают. То же самое происходит с языком. Хочешь или не хочешь, а идет какой-то процесс помимо нас. Под угрозой оказались многие языки. С русским языком такая же проблема. Уменьшается ареал его использования. Безусловно, надо финансово поддержать вопрос развития языка и его употребления. Надо пытаться как можно шире внедрять его, не давая ему ослабнуть. Иногда, может, даже с усилием, но надо постоянно поддерживать эту необходимость в языке.